

Мысленный эксперимент «доска спасения» в истории философии и юриспруденции: Карнеад, Пуфендорф и другие

Синченко Г. Ч.

Омская академия МВД России (Омск, Российская Федерация)

E-mail: gsinchenko@rambler.ru

Аннотация

С помощью разномасштабных мысленных экспериментов в философии и юридической науке конструируются экзистенциальные и правовые коллизии в их крайней и одновременно образной форме. Проведенное в русле микроистории и опиравшееся на методологию герменевтики и исторической критики исследование умственного эксперимента, известного как Пуфендорфова доска спасения, показало, что он берет начало в творчестве оратора и сторонника скептического направления греческой философии II в. до н. э. Карнеада. Решающим фактором неофициального признания авторства за немецким юристом XVII в. С. Пуфендорфом предположительно послужил общественный и академический успех его концепции в целом и удачно сбалансированной с учетом обстоятельств времени конструкции института крайней необходимости в частности. Аллегория доски спасения использовалась мыслителями разных эпох и школ, по-своему корректировавшими ее фабулу и неодинаково толковавшими заложенный в ней смысловой потенциал. Юриспруденцию интересуют контуры и механизмы объективированного и формализованного регулирования социально значимой активности человека, а философию — мера сочетаемости ее внутренних и внешних детерминант. Обе линии сходятся в точке анализа пограничных ситуаций, одной из разновидностей которых выступает причинение вреда в состоянии крайней необходимости. Поэтому гипотетическая модель доски спасения актуализируется в точках пересечения философской и теоретико-правовой форм рациональной рефлексии.

Ключевые слова: крайняя необходимость, коллизия жизней, естественное право, справедливость, историческая реконструкция.

Для цитирования: Синченко Г. Ч. Мысленный эксперимент «доска спасения» в истории философии и юриспруденции: Карнеад, Пуфендорф и другие // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 25–38. EDN: GVICRY

The article was submitted: 09.03.2025

The article approved after reviewing: 03.04.2025

The article accepted for publication: 14.04.2025

The “Salvation Plank” Mental Experiment in the History of Philosophy and Jurisprudence: Carneades, Pufendorf, et al.

Sinchenko G. Ch.

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russian Federation)

E-mail: gsinchenko@rambler.ru

Abstract

Through multi-scale mental experiments in philosophy and legal science, existential and legal conflicts are constructed in their extreme and simultaneously figurative form. The study of the thought experiment known as the Pufendorf plank of salvation, conducted in the context of microhistory and based on the methodology of hermeneutics and historical criticism, showed that it originated in the creativity of Carneades, an orator and supporter of the pyrrhonist trend of Greek philosophy of the 2nd century BC. The decisive factor in the unofficial recognition of the German lawyer of the XVII century Samuel Pufendorf authorship presumably was the public and academic success of his theory in general and the well-balanced, taking into account the circumstances of the time, construction of the institution of excused necessity in particular. The allegory of the plank of salvation was used by speculators of different epochs and schools, who adjusted its fabula in their own mode and interpreted its semantic potential in different ways. Jurisprudence is interested in the contours and mechanisms of objectified and formalized regulation of socially relevant human activity, while philosophy is interested in the measure of combinability of its internal and external determinants. Both lines converge at the point of analyzing borderline situations, one of the varieties of which is the infliction of harm in a state of extreme necessity. Therefore, the hypothetical model of the salvation plank is actualized at the points of intersection of philosophical and theoretical-legal forms of rational reflection.

Keywords: excused necessity, collision of lives, natural law, justice, historical reconstruction.

For citation: Sinchenko, G. Ch. The "Salvation Plank" Mental Experiment in the History of Philosophy and Jurisprudence: Carneades, Pufendorf, et al. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 25–38. (In Russ.)

Хоть будет поднят с постели твой друг, хоть скажет он за тебя, —
У нас — не двое за одного, а каждый сам за себя.

Редьярд Киплинг

По мере углубления в историю осмысления феномена крайней необходимости невозможно не натолкнуться на сюжет о двух мореплавателях, пытающихся избежать гибели в пучине. Как он появился? Чем обусловлено название, под которым он известен? Какие драмы разума вызвали его к жизни и наложили отпечаток на его смысл? Такие вопросы рассматриваются в предлагаемой ниже реконструкции, использующей инструментарий исторической критики и герменевтики и исполненной в стилистике микроистории — течения в исторической науке, которое стремится постичь «большое в малом». Перефразируя Шерлока Холмса, можно сказать, что микроисторик хочет расслышать рев атлантической бури в прошлом капли дождя, стекающей по оконному стеклу.

Умственный эксперимент в философии права и теоретической юриспруденции: понятие и типология

Вопреки господствующим в философии науки представлениям существует точка зрения, согласно которой метод эксперимента зародился не в естествознании, а в средневековой науке права и был перенесен на изучение природы основоположником индуктивной логики Нового времени Ф. Бэконом¹. Но даже в таком случае историчность и уникальность исследуемых объектов, отсутствие четкого их отграничения от субъекта с его познавательными действиями, высокая социальная и гуманитарная цена осложняют использование эксперимента в социально-гуманитарных разработках. Острота этих и других встающих на пути ученого-экспериментатора проблем частично ослабляется посредством замены

¹ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998. С. 153, 157; Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть. М., 2021. С. 53–54, см. также с. 256–257. В другом контексте мы затрагивали эту тему в публикации: Синченко Г. Ч. Империя цитирования. Философско-исторический этюд. Часть II. Средние века и Возрождение // Вестник Омского университета. 2023. Т. 28, № 2. С. 17.

изучаемого явления имеющим иную природу материальным либо идеальным аналогом. Предмет нашего исследования лежит как раз в плоскости мысленного экспериментирования и локализован в области его применения в философии и теории уголовного права, а дальнейшие рассуждения исходят из следующих посылок.

Первое. *Differentia specifica* умственного эксперимента есть, разумеется, использование в качестве модели комплекса ментальных образов. В советской философии структурированная трактовка идеализированного эксперимента была разработана еще в 1960-е гг. В. А. Штоффом. Отмечая момент взаимодействия в нем дискурсивного мышления и творческого воображения, ученый вместе с тем неукоснительно проводил линию, отвечавшую директивному в то время учению о познании как об отражении, на строгую вторичность мысленных процедур по отношению к действиям, выполняемым при постановке натурных экспериментов, а образцы последних черпал из естественных наук. Как следствие, всплески умственной активности, не дотягивающие до физикалистского стандарта (правила построения идеализированного квазиобъекта и квазиприборов, точное применение объективных законов и научных фактов и т. д.), отфильтровывались в разряд эффектов наглядного мышления, представляющих больше психологический, нежели гносеологический интерес².

В настоящее время такой подход выглядит чрезмерно жестким и узким, а по отношению к гуманитарному мышлению еще и дискриминационным. Если оперирование ментальными образами заменяет, пусть лишь конспективно и схематически, материальные действия с исследуемыми явлениями, получает знаковое выражение на принятом в соответствующей отрасли науки языке и играет в ней эвристическую, объяснительную, аргументативную, прогностическую роль, то оно имеет научное значение, как его ни назови. И термин «мысленный эксперимент» представляется вполне подходящим по соображениям лексической экономии, а также ввиду того, что подчеркивает внутреннее родство различных форм научной методологии.

Второе. «В философии права, — отмечает Н. И. Мартишина, — мысленный эксперимент чаще всего принимает вид конструирования юридической коллизии, основанной на реальности, но посредством сильных идеализаций доведенной до крайней формы, и попытки найти ее решение»³. При этом параллелью средств объективного контроля, позволяющих описывать его ход и результат в терминах наблюдения, служит перевод или, может быть, лучше сказать *облечение* абстрактных концептов в ассоциативные образы с целью наглядности. «Должна быть построена четкая и визуально представимая ситуация. В ней мысленно осуществляются некоторые действия, которые должны привести к небольшому числу ясно прослеживаемых результатов»⁴. Эффектными и эффективными изобразительными орудиями придания изучаемой проблеме качества человекообразности, драматизации, внесения в нее элемента интриги и психологической напряженности служат риторические фигуры. С точки зрения риторики умственный эксперимент является аллегорией умозрительного конструктора.

Третье. Путем мысленного экспериментирования выполняются различные когнитивные функции в исследовательской деятельности, что отражается на композиции текста. В ряде случаев такие интеллектуальные инициативы, по словам А. В. Червяковского, «больше напоминают конструирование отдельных социальных миров, с помощью которых авторы работ пытаются не столько обратить внимание на возможную вариативность выбора при принятии решений, сколько обосновать или, наоборот, опровергнуть ту или иную концепцию правопонимания»⁵. Эксперимент разрастается до масштабного нарратива. Иногда его сюжетная нить прячется в подкладке отвлеченных соображений, иногда выходит наружу, но сшивает в единое целое всё от начала до конца — знаменитая монография Дж. Ролза, изложившего свою теорию справедливости в виде рассказа о том, как люди в гипотетических условиях шаг за шагом продвигаются к справедливому обществу⁶. Порой содержание наполняется беллетризованными научными

² См.: Штофф В. А. Моделирование и философия. М.—Л., 1966. С. 81, 208–226.

³ Мартишина Н. И. Мысленный эксперимент в философии права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 3. С. 57.

⁴ Филатов В. П. Мысленные эксперименты в науке и философии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXV. № 3. С. 7.

⁵ Червяковский А. В. Мысленный эксперимент в трудах современных западных ученых-философов и теоретиков права // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 441.

⁶ См.: Ролз Дж. Теория справедливости. Изд. 2-е. М., 2010. 536 с.

высказываниями и умозаключениями от лица вымышленных персонажей — литературная форма, вызывающая из памяти такой древний жанр теоретического произведения, как диалог, вплоть до сочинений Платона. Мастером этого стиля в философии права зарекомендовал себя автор «Проблемы завистливого доносчика» и «Дела спелеологов» Л. Фуллер⁷. Последнее устанавливает золотой стандарт необычного типа научной литературы, которую, пожалуй, следует называть судебной фантастикой, а мысленный эксперимент, поднятый на уровень композиционной суперструктуры полновесного научного произведения, соответственно, мегаэкспериментом.

Экспериментальная часть может занимать более скромное в познавательном и композиционном аспектах место, как, скажем, в статье Э. Д'Амато «О связи между правом и справедливостью». В ней рубрикативно выделенное и занимающее примерно четверть общего объема описание вымышленного дорожного происшествия и его последствий выступает специфическим игровым компонентом потока привычной академической письменной речи и подчинено доказательству предварительно сформулированного рационального тезиса⁸. Обратный прием встречаем в одной из глав «Морали права», где Л. Фуллер сначала выводит фигуру глуповатого короля-реформатора, а затем извлекает принципиальные теоретические выводы из неудач его правления⁹, и в «О правах всерьез» Р. Дворкина. Правда, у Дворкина вместо незадачливого венценосца главным действующим лицом выступает искусный слуга Фемиды, но на протяжении книги в целом инсценирована родственная дискурсивно-ассоциативная комбинация¹⁰.

Ставятся также эксперименты меньшего масштаба и часто со сглаженным когнитивным рельефом: практически никаких следов большинства описанных В. А. Штоффом атрибутов здесь обнаружить не удастся. В гносеологическом плане такие познавательные паттерны используются для решения тех или иных вспомогательных вопросов, композиционной роли практически не играют, а с лингвистической точки зрения обычно выражаются в форме так называемого сложного синтаксического целого — не выделенной графически единицы речи, состоящей из нескольких предложений, раскрывающих одну микротему и объединенных по смыслу и структурно¹¹. Для примера назовем то место из «Философии права» С. В. Моисеева, где с целью объяснения принципа различия Ролза в двух абзацах и с помощью небольшой таблицы очерчена искусственная ситуация выбора оптимального общества индивидом, который находится за занавесом неведения¹². Или — переходя уже к практической юриспруденции — процитируем американского судью и автора «Общего права» О. У. Холмса, следующим образом опровергнувшего тезис о невозможности привлечения к уголовной ответственности женщин по так называемому «Акту о транспортировке белых рабов» 1910 г.: «Предположим, например, что профессиональная проститутка, которая так же хорошо может позаботиться о себе, как и мужчина, предложит ему и совершит поездку, упоминаемую актом 1910 г., в надежде шантажировать мужчину, и купит железнодорожный билет или оплатит проезд от Джерси до Нью-Йорка. В таком случае она подпадет под действие акта 1910 г., и мы не видим, почему она не должна нести ответственности»¹³.

Продолжая намечающуюся типологию, умственные операции среднего и небольшого формата мы бы обозначили как макроэксперименты. По мере продвижения вглубь слоев порождения и вербализации смыслов, видимо, удалось бы добраться до микроуровня — содержащих свернутый операциональный план изобразительных вкраплений непосредственно в состав отдельных предложений научного

⁷ См.: Фуллер Л. Л. Дело спелеологов // Харт Г. Философия и язык права. М., 2017. С. 343–372; Фуллер Л. Л. Проблема завистливого доносчика // Харт Г. Философия и язык права. С. 334–342.

⁸ D'Amato A. On the Connection Between Law and Justice (2011). *Faculty Working Papers. Paper 2*. URL: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/facultyworkingpapers/2> (дата обращения: 01.02.2025).

⁹ См.: Фуллер Л. Л. Мораль права. М., 2007. С. 47–116.

¹⁰ См.: Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004. 392 с.

¹¹ См.: Гринько Е. Н. Академическая риторика: учеб. пособие. М.: Флинта, 2022. С. 48.

¹² См.: Моисеев С. В. Философия права. Курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2004. С. 150.

¹³ Цит. по кн.: Леви Э. Введение в правовое мышление. М., 1995. С. 52.

текста. Такова, допустим, бритва Оккама, в семантическом отношении оказывающаяся схемой выбора лучшего из конкурирующих объяснений¹⁴.

Не заходя столь далеко, обратимся к истории конкретного малообъемного философско-правового мысленного опыта.

Пуфендорф

Экстремальный и трагический случай крайней необходимости — коллизия человеческих жизней в том ее варианте, в котором количество выживших равно количеству погибших вследствие усилий, предпринятых в целях предотвращения гибели первых. В посвященной этой проблематике литературе нередко всплывает так называемая доска спасения — воображаемая кризисная ситуация противоборства двух очутившихся в открытом море жертв кораблекрушения за оказавшийся рядом деревянный обломок их затонувшего судна. Данная гипотетическая модель связана с именем немецкого теоретика права и юриста-международника XVII в. С. Пуфендорфа. Так, еще в 1962 г. Н. Н. Паше-Озерский в характерном для тех лет духе писал: «Буржуазные криминалисты долгое время высказывались по поводу приобретенной в буржуазной литературе известность „Пуфендорфовой доски спасения“ (орфография автора. — Г. С.)»¹⁵. За истекшие десятилетия риторические интонации, а частично и теоретические приоритеты изменились, однако отечественные юристы и философы единогласно возводят этот образ к названному немецкому ученому¹⁶.

Увидевший свет в 1673 г. трактат Пуфендорфа «Об обязанностях человека и гражданина по естественному закону» действительно гласит: «Если двое подвергаются непосредственной смертельной опасности, при которой оба должны погибнуть, то одному из них, чтобы спасти себя, допустимо сделать что-нибудь, что может ускорить смерть другого. <...> Так и во время кораблекрушения, когда я схватил доску, которой двоих не удержать, если подплывающий человек попытается броситься на одну (ту же самую. — Г. С.) доску и, скорее всего, мы разобьемся оба, я вправе оттолкнуть его силой»¹⁷.

Пуфендорф был представителем естественноправового мышления своей эпохи, опиравшегося на механистическую философско-научную платформу и видевшего в государственной власти и законодательстве продукт перераспределения первичных поведенческих возможностей человеческих существ. Поэтому, несмотря на то что среди прибегавших к естественноправовым концептам нововременных учений попадают абсолютистские, эта программа несла в себе ген индивидуализма как минимум в рецессивной его форме. Пуфендорф осознавал возможность противоречия между правом естественным, стоящим на стороне человека с его инстинктом самосохранения, и правом волеустановленным, могущим доходить до самых высоких степеней устремленности на приоритеты общественного целого. Всё, что в столь острой ситуации нашел возможным сделать немецкий юрист, — дипломатично выраженное допущение или надежда: «Из доброжелательности законодателей и уважения к человеческой природе предполагается, что случай необходимости не включается в закон, понимаемый в общих чертах»¹⁸. Такая интерпретация распаковывает в старой максиме «необходимость не знает закона» тот неожиданный смысл, что благодаря высоким качествам правотворца закон предусмотрительно уклоняется от лобового столкновения с экстремальными обстоятельствами.

¹⁴ В формулировке немецкого философа XVII в. И. Клауберга бритва Оккама гласит: то, что можно объяснить посредством меньшего, не следует выражать посредством большего.

¹⁵ Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 131.

¹⁶ См.: Никуленко А. В. Законодательная модернизация крайней необходимости // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2022. С. 204; Плешаков А. М., Шкабин Г. С. «Коллизия жизней» при крайней необходимости и проблемы уголовной ответственности // Государство и право. 2007. № 7. С. 64–71; Хмелевская С. А. Проблема коллизии жизней с позиций философской рефлексии // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 2. С. 100–107; Фихте И. Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М., 2014. С. 362–363 (примечание 58). (Составителем примечаний, вероятнее всего, является переводчик философ А. К. Судаков.)

¹⁷ Приводится в современном переводе по электронной версии без указания года выхода и пагинации (Пуфендорф С. Об обязанностях человека и гражданина по естественному закону. URL: <https://predanie.ru/book/221340-ob-obyazannostyah-cheloveka-i-grazhdanina-po-estestvennomu-zakonu/> (дата обращения: 26.04.2024)). Такой же пассаж имеется в его изданном годом ранее сочинении «Восемь книг о естественном праве и праве народов» (см.: *Pufendorf, S. De Jure Naturae et Gentium Libri Octo*. Londini Scanorum, 1672. P. 241).

¹⁸ Пуфендорф С. Об обязанностях человека и гражданина по естественному закону.

Используя аллгорию доски, предшественников Пуфендорф не упоминал. Между тем они есть, причем ретроспектива уводит нас ни много ни мало во II в. до н. э.

Карнеад, Цицерон, Лактанций

Пока Рим завоевывал греческие города-государства военно-политически, Эллада пленяла захватчиков своими культурными достижениями, начиная с кулинарии и садоводства и заканчивая риторикой и философией. На 155 г. до н. э. приходится посольство в город на семи холмах группы греческих мыслителей различных школ. Насчитывавшая то ли три, то ли пять человек делегация явно не планировала замыкаться в границах кабинетной дипломатии и придала своей миссии характер демонстрации утонченной национальной учености. Обращенные к сенату выступления заезжих философов оперативно переводились на латынь, образованная молодежь восхищенно внимала, а старшие, повествует Плутарх, «с удовольствием глядели на то, как их сыновья приобщаются к греческому образованию и проводят время с людьми, столь высоко почитаемыми»¹⁹. Беспрецедентный фурор произвел глава платоновской Академии Карнеад — выдающийся оратор и полемист, чьим ярким талантам была под стать броская внешность («занятия не оставляли ему досуга даже постричь волосы и ногти»²⁰). Как свойственно типичному древнегреческому ученому мужу, в чьей душе общие теоретические вопросы находили отклик легче, нежели узкоспециальные, и как полагается последовательному скептику, он «сперва произнес речь в похвалу справедливости как естественному славному явлению, а затем, на второй день, стал доказывать, что справедливость противоестественна, что она выдумана слабыми для того, чтобы защитить себя от сильных»²¹.

Подобно Сократу, письменных философских сочинений Карнеад не оставил. Тем не менее эхо его эскапад дошло до жившего практически столетие спустя Цицерона, и тот конспективно повторил их в диалоге «О государстве», впоследствии проштудированном ритором и писателем III–IV вв. н. э. Лактанцием. В XIX в. благодаря одной счастливой библиотечной находке взялись за частичную реконструкцию ранее утраченного Цицеронова текста и заполнили ряд его лакун вставками из Лактанция. В результате место из Карнеада об античной доске спасения воспроизводится в изданиях обоих авторов: «Как поступит справедливый муж, если вдруг случится кораблекрушение и кто-нибудь более слабый, чем он, ухватится за доску? Неужели он не отнимет доску, чтобы ухватиться самому и с ее помощью спастись, тем более что в открытом море нет ни единого свидетеля? Если он благоразумен, то он так и сделает, ибо в противном случае ему самому придется погибнуть. Если же он предпочтет умереть, лишь бы не совершать над другим насилие, то окажется справедливым, но глупым, ибо, спасая чужую жизнь, пренебрежет своей»²².

Хотя в обеих редакциях, Карнеада и Пуфендорфа, деяние, совершаемое в условиях коллизии жизней, принимает форму действия, они не совпадают. В греческой версии лицо, приблизившееся к доске позже, ведет себя наступательно — отнимает ее у лица, завладевшего ею раньше. Наоборот, в немецкой модели акцент ставится на оборонительной активности того лица, которое ухватило за нее первым. Любопытно, что в статье «Доска Карнеада» в англоязычной Википедии приводится греческая легенда с более поздней, чем философское посольство, датировкой, построенная по фабуле не Карнеада, а Пуфендорфа²³.

Зато нет ничего необычного в том, что ум человеческий перебрал весь спектр и не пропустил форму бездействия. Так, в Талмуде, по понятным географическим причинам переносящем эксперимент из водной стихии в пустыню, говорится о бредущих по ней двух путниках, у одного из которых имеется фляга с водой. Добраться до поселения и выжить имеет шансы только тот, кто не разделит воды с товарищем по несчастью. Согласно одному из правил взвешивания силы толкований священного текста (кстати, на-

¹⁹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. М., 1961. Т. 1. С. 447 и след.

²⁰ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 2-е изд. М., 1986. С. 185.

²¹ Чанышев А. Н. Философия Древнего мира: учеб. для вузов. М.: Высшая школа, 1999. 703 с. С. 530.

²² Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. М., 1966. С. 63–64; Лактанций. Божественные установления. Книги I–VII. СПб., 2007. С. 339.

²³ Plank_of_Carneades. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Plank_of_Carneades (дата обращения: 10.02.2025).

поминающих правила оценки юридического веса мнений классических юристов в Риме периода домината) еврею ради спасения собственной жизни дозволено исполнить в смерти ближнего только пассивную роль²⁴ — улучшить минуту, чтобы выпить воду незаметно, опустошить флягу, дождавшись, когда тот выбьется из сил, и т. п.

Однако вернемся к античной части истории и кратко обрисую ее философскую оболочку. Что касается Карнеада, то логичнее всего свести его собственную позицию скептика к тому, что любая фиксированная позиция не надежнее дощечки в бушующем море. Цицерон впечатлялся могучими дарованиями предшественника и коллеги по ораторскому цеху, но все-таки невозможно допустить, что соглашался с ним по всем пунктам. В то время как знаменитый эллин расшатывал принципы, чья твердость представлялась ему мнимой, и всю жизнь враждовал со стоицизмом, еще более знаменитый римлянин принадлежит к сторонникам течения естественного права, и по вопросам политики и этики стоик в нем подчас поднимал голос против скептика. В свою очередь, в глазах Лактанция — христианина, настроенного на религиозно-нравственные смыслы жертвенности и сострадания, — понятие естественного права в его античном натуралистическом изводе уже не выглядело актуальным, но он держался веры в прочные нравственные опоры миропорядка и сокрушался, что беспринципный ловкач выставил справедливость на посмешище. А поскольку Марк Туллий, как Лактанций, избегая родового прозвища «Горох» (*cicero* — горох), называл Цицерона, не сумел распутать и опровергнуть едкие софизмы Карнеада²⁵, постольку пришлось взять дело в свои руки, развернуть эксперимент в противоположную сторону и дать альтернативную интерпретацию: «Тот, кто не отнимет у тонущего доску или у раненого — коня, не является глупцом, так как поступать подобным образом является грехом, от которого разумный человек удерживает себя»²⁶.

Гроций, Локк, Томазий, Кант, Фихте

Не забытый в Средние века, в эпоху Возрождения Лактанций познал вкус настоящей славы. Гуманисты нарекли его титулом христианского Цицерона, добавили к литературному наследию вновь найденные манускрипты и широко издавали в XV и XVI вв.; в том числе делались переводы на русский. Как следствие, информация о философском посольстве в целом и аллегорическом сюжете о доске спасения в частности находилась в горизонте начитанности. Г. Гроций за выпады в адрес естественного права благородно вызвал Карнеада как сильнейшего противника из толпы ему подобных на своего рода идейную дуэль, образующую сюжетную субструктуру «Пролегоменов» и тем самым дающую завязку одному из главнейших философско-правовых творений своего времени — опубликованному в 1625 г. трактату «О праве войны и мира». В нем Лактанций предстает в амплуа секунданта, сведущего лица и автора этической трактовки, в каковой доска спасения и запечатлена на одной из его страниц²⁷.

С образом другой доски — чистой грифельной доски разума (*tabula rasa*), на которой чувственный опыт пишет свои письмена, — под знамена юснатурализма встал Дж. Локк. Однако, что касается Карнеадовых дерзостей, то он тоже был в курсе и не отмолчался в небольшой работе 1664 г.²⁸

На Пуфендорфа ни голландский, ни английский писатели не просто не ссылались, а не имели возможности, ибо писали раньше. Возможность имел Х. Томазий, на чье творчество Пуфендорф повлиял по линиям выбора области научных занятий и секуляризации мышления. И все-таки факт остается фактом: о не столь уж часто сходящем со страниц «Оснований естественного права» (1705 г.) славном соотечественнике Томазий в связи с доской спасения не обронил ни слова, хотя она сама показывается дважды,

²⁴ Рав Шимон Соскин. Запрет на убийство ради спасения жизни. URL: https://toldot.com/articles/articles_14679.html (дата обращения: 15.06.2023).

²⁵ См.: Лактанций. Указ. соч. С. 339–340.

²⁶ Там же. С. 343. Аналогичная по моральному смыслу и детально проработанная модификация доски спасения принадлежит греческому философу-стоику II в. до н. э. Гекатону Родосскому, о чем упомянуто снова у Цицерона в трактате «Об обязанностях» (см.: Цицерон. Моральные размышления. О старости, о дружбе, об обязанностях. М., 2020. С. 422–424).

²⁷ См.: Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 207.

²⁸ См.: Локк Дж. Опыты о законе природы // Соч.: в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 48.

причем во второй раз — в разделе «О долге человека перед самим собой», то есть в композиционном плане точно как у Пуфендорфа. Античные отсылки также отсутствуют, но подтекст все-таки уловим, поскольку репродуцируется греческая редакция²⁹.

Заключим эту часть статьи наброском соображений двух мыслителей, трудившихся над своими философско-правовыми текстами практически одновременно в самом конце XVIII в., когда от первоначальной близости в их воззрениях оставалось всё меньше, а ком разногласий вырастал всё больше.

В «Метафизике нравов» И. Канта, как и во всей системе его философии, кладущей в основание нравственности и права критерий всеобщности, безоговорочно не допускается таких положений дел, где разум не обращался бы на языке долга к субъекту поступков. С другой стороны, рассудительно признается, что естественные задатки привязывают человека к мотивам чувственности, которым по силам перекричать доводы мысли, а страху за свою жизнь *здесь и сейчас* по силам заглушить угрозу со стороны закона *там и потом*. Да и способно ли уголовное уложение напугать чем-нибудь страшнее смерти, уже дышащей прямо в лицо? Эти соображения для наглядности и по традиции Кант подкрепляет аллегорией доски, без эскорта имен и в античной версии³⁰.

Суть изложенной в «Основе естественного права» теории экземпции И. Г. Фихте заключается в том, что поскольку право относится к сосуществованию людей, а в экстремальной ситуации «природа взяла назад право на жизнь *для обоих*», постольку коллизия жизней позволяет ее невольным участникам «рассматривать себя как совершенно exempt (исключенных. — Г. С.) из всякого правового законодательства»³¹. Об этой многократно транслированной в уголовно-правовых исследованиях позиции можно было бы и не напоминать, если бы не несколько обстоятельств.

Во-первых, как бы разительно она ни отличалась от сопротивления Канта и других правовых универсалистов тезису о нужде, не знающей закона, Фихте согласен с ними в том пункте, что даже допускаемое в его учении выпадение из правового поля не влечет отпадения от религиозно-нравственного долга. Там, где умолкает право, возвышающийся над ним моральный закон возглашает: «Положись на волю Божию». По прекращении же чрезвычайных обстоятельств выживший вновь поворачивается лицом к обществу и обязан положиться уже на волю государства, а последнему надлежит возбудить расследование и, так сказать, оставить его на подозрении (но и на свободе), если не будет установлено, что необходимые и достаточные условия для exemptio фактически отсутствовали³². Тон таким рассуждениям задают метаюридические факторы, в ряду которых вместе с идеями естественного права и общественного договора стоит нравственность, ибо не что иное как развитое моральное сознание, ведая о несовершенстве человека, не отрицает человеческого достоинства у носителя этических изъянов.

Во-вторых, — уже не в общем этическом, а в более близком к проблематике статьи плане — теория экземпции внесла свою лепту в названный ранее мысленный эксперимент Фуллера по «Делу спелеологов», где ее логикой оперирует судья Фостер в 4300 г.³³

В-третьих, якобы отказываясь разбавлять досужим примером работу механизма теоретических абстракций, Фихте тем не менее предъявил читателю доску спасения с пафосом эстрадного конференсье: «Berühmtes Wunderbrett der Schule, знаменитая чудесная доска из школы». Не прольет ли столь нестандартный ход немного света на один существенный вопрос прямо по анализируемой теме?

Сверхестественные свойства — вечный камень на пути рационального изучения. Остановимся на предположении, что за эпитетом «чудесная» стоит нечаянная самоирония автора. Ведь не на пустом же месте спустя сто лет Н. Н. Розин заявил во всеуслышание, что конструкция Фихте покоится на казусе доски, которой не выдержать двоих³⁴... Прилагательное «знаменитая» может работать в связке с «чудесной» под управлением той же логики двойного смысла. Но может и не иметь потайного дна: в конце

²⁹ Thomasius, Ch. Institutes of Divine Jurisprudence with Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations. Indianapolis, 2011. Pp. 173–174, 611 (footnote 18).

³⁰ См.: Кант И. Метафизика нравов // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 145.

³¹ Фихте И. Г. Указ. соч. С. 221–222.

³² См.: там же. С. 222–223.

³³ См.: Фуллер Л. Дело спелеологов. С. 346–353.

³⁴ См.: Розин Н. Н. О крайней необходимости. Уголовно-юридическое исследование. СПб., 1899. С. 77–78.

концов, сколько бы матросских рук ни хваталось за реальную доску в минуту кораблекрушения, ее образ, безотказно являясь на помощь прихотливым авторским замыслам в течение многих столетий, заслужил доброе слово от научного сообщества.

Для расшифровки остатка «из школы» окинем взглядом исторический и социальный контекст, возвращающий нас к Пуфендорфу.

Снова Пуфендорф

Признание пришло к Пуфендорфу еще при жизни и осталось надолго. Мы не хотим бросить тень на другие авторитеты, скажем, Гроция, чьи «Три книги о праве войны и мира» за первые сто пятьдесят лет после его кончины выходили на шести языках семьдесят семь раз, то есть в среднем один раз в два года. Тем не менее великий сын Нидерландов изложил главные свои мысли в толстом, наводненном цитатами томе и, с некоторых пор деля время между наукой и дипломатической службой, видимо, посчитал дело сделанным, хотя такой литературный стиль уже устаревал и начинал навевать скуку. Пуфендорф же снискал успех в качестве профессора, умел писать как пространно, так и сравнительно компактно (его «Об обязанностях» в шесть раз короче *magnum opus* Гроция), и «лидеры общественного мнения» по обе стороны Ла-Манша от Локка до Дидро и от Гиббона до Вольтера единодушно рекомендовали его произведения к изучению по программам юридического образования. Россия тоже отреагировала: узнав, что книга Пуфендорфа «Об обязанностях» «служит руководством при обучении правоведению во многих академиях, Петр I велел перевести ее на русский язык»³⁵. Похоже, приказ был исполнен с выходящим за рамки исходного замысла размахом. Во втором классе поветового (уездного) училища герой одноименной повести Гоголя Иван Федорович Шпонька «вместо сокращенного катехизиса и четырех правил арифметики принялся за книгу о должностях человека и за дроби». Речь, вероятно, идет о выпущенном при Екатерине II учебнике для народного образования И. И. Фельбигера³⁶. Эту весьма нравоучительную книгу трудно принять за доходчивый пересказ первоисточника. В то же время буквальное совпадение заглавий³⁷ и заметные структурные параллели наводят на догадку, что Пуфендорф невольно сыграл парадигмальную роль.

Казалось бы, на этом дело о присвоении доске спасения имени Пуфендорфа можно закрыть. Она была изобретена не немецким юристом, но скорее всего и не греческим философом, а в неизвестные времена самой жизнью и уже много позже спроецирована последним³⁸ на плоскость теории. Спустя тысячелетия Пуфендорф поймал в паруса ветер исторических перемен, извлек из-под вековых наслоений установку на ценность инстинкта самосохранения, осторожно провел ее между рифами церковного недовольства и, стараясь не повредить еще живой в его время нравственно-религиозной ткани, возвел на фундаменте вновь крепнувшей философии естественного права функциональное теоретико-юридическое строение³⁹. Предположительно, благоразумной осторожностью автора заодно объясняется рестайлинг фабулы эксперимента: в немецкой редакции завладевший доской моряк смотрится все-таки менее этически токсично, чем в греческом оригинале. Но это частная ремарка, а главное в том, что студенчество поколения за поколением стало получать знания о правовом регулировании из книги с оттиснутыми на титульном листе словами: *Samuelis Pufendorfii, De Officio Hominis et Civis*. Таким образом, доска спасения всплывала в сознание школяров и выплывала из их уст уже как *Пуфендорфова* тогда и постольку, когда и поскольку ее приносило в университетскую библиотеку и аудиторию волной Пуфендорфа.

³⁵ Кузнецов Э. В. Философия права в России. М., 1989. С. 32–33; см. также: Кожевина М. А., Яцук Т. Ф. Эволюция науки истории права и государства в России (XVIII–XX вв.). М., 2023. С. 86–87.

³⁶ См.: Фельбигер И. И. О должностях человека и гражданина, книга к чтению, определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второя. СПб.: типография Академии наук, 1783. 250 с.

³⁷ Первоначально «De officio» Пуфендорфова оригинала переводилось как «О должностях», то есть о том, что должно, о долге.

³⁸ И примерно в то же время Гекатоном Родосским (см. сноску 26), о котором нельзя сказать однозначно, был он наслышан о философском посольстве и оппонировал Карнеаду, или черпал из одного с ним неизвестного нам источника, или перед нами ранний случай конгенальности. Так или иначе, имя Карнеада оказалось сопряженным с доской спасения намного теснее, чем имя Гекатона.

³⁹ Подробнее об этом см.: Розин Н. Н. Указ. соч. С. 68–73.

Тем не менее рука не поднимается поставить окончательную точку. Элементарная, стократ апробированная матрица метонимического набрасывания имени информатора (которого вдобавок принимали за подлинного автора тем чаще, чем реже тревожили дремлющие в книгохранилищах другие источники) на имя объекта информирования работала медленно и со скрипом, если работала вообще. По возвращении из двухлетней стажировки в университетах Германии и Франции в 1899 г. 28-летний русский криминалист Н. Н. Розин опубликовал монографию «О крайней необходимости». При том, что два-три раза в ней встречается «карнеадовский пример», словосочетание «Пуфендорфова доска» не использовано ни в обстоятельном обзоре истории и состояния разработанности вопроса, ни еще где бы то ни было по тексту. Маловероятно, что если бы соответствующий узус уже сложился в кругу специалистов, то он не проник бы в языковое сознание молодого ученого, целенаправленно впитывавшего их мысли, а вместе с тем практически неизбежно и их словарь.

Возникает гипотеза, что ощутимый терминологический сдвиг требует более продолжительного цикла по шаблону закона отрицания отрицания: Пуфендорф оттесняет Карнеада не раньше, чем сам оказывается оттесненным в зону узкого историко-академического интереса и ритуальных упоминаний. Ибо аберрации трансформируются в монументы, когда исторические события трансформируются в предание. Однако на настоящий момент это всё еще общие суждения, а не документально подтвержденный в нашем конкретном случае факт. В современной англоязычной литературе родословную доски спасения, бывает, уже не ведут от Карнеада, но нам неизвестно, чтобы ее стали вести непосредственно от Пуфендорфа⁴⁰. Возможно, именование «доска Пуфендорфа» — *par excellence* российский терминологический обычай XX–XXI вв., в котором фактор Пуфендорфа преломился через национальную специфику восприятия истории разработки проблематики крайней необходимости в мировой науке уголовного права. Так или иначе, закрывать вопрос преждевременно.

Выводы и перспективы

Историческая реконструкция показала, что:

- а) история умственного эксперимента, известного как Пуфендорфова доска спасения, берет начало задолго до Нового времени в античном этико-философском дискурсе, а именно в публичных выступлениях оратора и сторонника скептического направления греческой философии II в. до н. э. Карнеада;
- б) решающей причиной неофициального признания, по крайней мере в советском и российском научно-юридическом и философском пространстве, авторства за писавшим в XVII в. немецким юристом, предположительно, послужил общественный и академический успех его концепции в целом и удачно сбалансированной с учетом обстоятельств времени модели института крайней необходимости в частности;
- в) аллегория доски спасения проходит через познавательные усилия мыслителей, принадлежащих разным эпохам и школам, по-своему корректировавших ее фабулу и неодинаково толковавших заложенный в ней смысловой потенциал. Наряду с различиями имеет место вектор единства. Юриспруденцию всегда интересовали контуры и механизмы объективированного и формализованного регулирования социально значимой активности человека, а философию — мера сочетаемости ее внутренних и внешних детерминант. Обе линии неизбежно сходятся в особых точках интенсивности — кризисных (на языке философии — пограничных) ситуациях перед лицом смерти, посредством которых бытие сообщает нередко неприятные, но важные истины о личности и обществе. Поэтому доска спасения оказывалась, так сказать, под рукой у мысли в те моменты, когда мысль обнаруживала себя на пересечении философской и теоретико-правовой форм рациональной рефлексии. С данной точки зрения этот образ явил присущую символам способность «сохранять в свер-

⁴⁰ Finkelstein, C. O. Two Men and a Plank, *Legal Theory*. 2001. No. 7. Pp. 279–306; Ghanayim, Kh. Excused Necessity in Western Legal Philosophy. *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. 2006. Vol. 19, No. 1. Pp. 31–65.

нотом виде исключительно обширные и значительные тексты» и оживать в каждом последующем, «как зерно, попавшее в новую почву»⁴¹.

Итак, у доски спасения есть богатое прошлое. Настоящее в основном сводится к церемониальной процессии по историко-обзорным блокам научных публикаций. Но не всё так монотонно. Прежде всего, за многие века возникла группа родственных аллегорий: раненый на коне, ворота осажденного города, вода в пустыне, стая преследующих сани волков, альпинисты в связке над пропастью... Некоторые прижились на почве искусства. Далее, известна современная попытка умственного экспериментирования с доской спасения на методологической базе, заставляющей посмотреть свежим взглядом на обозначенные выше критерии В. А. Штоффа. Профессиональный юрист заметит, что автору попытки философу С. А. Хмелевской⁴² не совсем близки вопросы разграничения крайней необходимости и необходимой обороны, тонкости доктринальных толкований и нюансы, которые проясняются благодаря историко-и сравнительно-правовому подходам. Вместе с тем в философско-методологическом ключе ее публикацией создан прецедент вовлечения старинной схемы в силовое поле такой активно развивающейся исследовательской программы, как экспериментальная философия морали⁴³. Поэтому, может быть, доску Пундendorфа еще ждет творческое будущее за рамками кино и компьютерных игр.

По легенде, регулярно ремонтируя корабль аргонавтов, афиняне в конце концов заменили все доски, из которых он был построен. Что касается *воображаемых* деревянных изделий, то их можно модернизировать в любых направлениях и неограниченно долго.

Список источников

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М НОРМА, 1998. 624 с.
2. Гроций Г. О праве войны и мира: репринт с изд. 1956 г. / Под общ. ред. С. Б. Крылова. М.: Ладомир, 1994. 898 с.
3. Дворкин Р. О правах всерьез / Ред. Л. Б. Макеева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 392 с. EDN: QVXKZT
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; пер. М. Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.
5. Кант И. Метафизика нравов // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 107–438.
6. Кожевина М. А. Эволюция науки истории права и государства в России (XVIII–XX вв.) // М. А. Кожевина, Т. Ф. Ящук. М.: Норма, 2023. 576 с. DOI: 10.12737/1915630. EDN: ULEJLS
7. Кузнецов Э. В. Философия права в России. М.: Юридическая литература, 1989. 208 с.
8. Лактанций. Божественные установления. Книги I–VII. СПб.: Издательство Олега Абышко. 2007. 512 с.
9. Леви Э. Введение в правовое мышление. М.: Наука, 1995. 115 с.
10. Локк Дж. Опыты о законе природы // Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 3–53.
11. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. I. С. 191–199.
12. Мартишина Н. И. Мысленный эксперимент в философии права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 3. С. 55–59. EDN: RCOLJV
13. Мехед Г. Н. Мысленный эксперимент в философии и этике // Философская мысль. 2017. № 5. С. 1–13. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22985. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.5.22985. EDN: YPJREP

⁴¹ Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. I. С. 192, 194.

⁴² См.: Хмелевская С. А. «Коллизия жизней» как философско-правовая проблема // Философия политики и права. Вып. 2. М., 2011. С. 92–106.

⁴³ Подробнее об экспериментальном стиле в современной этике см.: Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? М., 2016. 256 с.; Мехед Г. Н. Мысленный эксперимент в философии и этике // Философская мысль. 2017. № 5. С. 1–13. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22985 (дата обращения: 19.02.2025).

14. Никуленко А. В. Законодательная модернизация крайней необходимости // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред. Т. А. Огарь, Д. М. Кокина; сост. Н. И. Кузнецова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 202–211. EDN: KTRNWQ
15. Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. 181 с.
16. Плешаков А. М. «Коллизия жизней» при крайней необходимости и проблемы уголовной ответственности / А. М. Плешаков, Г. С. Шкабин // Государство и право. 2007. № 7. С. 64–71. EDN: IAIJJP
17. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Т. 1. М.: Издательство АН СССР, 1961. 504 с.
18. Пуфендорф С. Об обязанностях человека и гражданина по естественному закону / пер. А. Семанова. URL: <https://predanie.ru/book/221340-ob-obyazannostyah-cheloveka-i-grazhdanina-po-estestvennomu-zakonu/>
19. Розин Н. Н. О крайней необходимости. Уголовно-юридическое исследование. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1899. 250 с.
20. Ролз Дж. Теория справедливости / Науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 536 с.
21. Синченко Г. Ч. Империя цитирования. Философско-исторический этюд. Ч. II. Средние века и Возрождение // Вестник Омского университета. 2023. Т. 28, № 2. С. 14–21. DOI 10.24147/1812-3996.2023.28(2).14-21. EDN: AWMТМО
22. Филатов В. П. Мысленные эксперименты в науке и философии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXV. № 3. С. 5–15. DOI: 10.5840/eps201025352. EDN: NCJWXF
23. Фихте И. Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. 392 с.
24. Фуллер Л. Л. Дело спелеологов / пер. с англ. В. В. Целищева // Харт Г. Философия и язык права. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 343–372.
25. Фуллер Л. Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007. 308 с.
26. Фуллер Л. Л. Проблема завистливого доносчика / пер. с англ. В. В. Целищева // Харт Г. Философия и язык права. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 334–342.
27. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. М.: ИД Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
28. Хмелевская С. А. «Коллизия жизней» как философско-правовая проблема // Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 2 / Под общ. ред. Е. Н. Мощелкова. М.: Издатель Воробьев А. В., 2011. С. 92–106.
29. Хмелевская С. А. Проблема коллизии жизней с позиций философской рефлексии // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 2. С. 100–107. DOI: 10.19181/lspr/2020.16.2.10. EDN: MEUJWS
30. Цицерон. Моральные размышления. О старости, о дружбе, об обязанностях / пер. с лат. В. Петухова, В. Горенштейна; вступит. ст. А. В. Маркова. М.: РИПОЛ классик, 2020. 450 с.
31. Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги / Отв. ред. С. Л. Утченко. М.: Наука, 1966. С. 7–88.
32. Червяковский А. В. Мысленный эксперимент в трудах современных западных ученых-философов и теоретиков права // Юридическая техника. 2025. № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 25–28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2025. С. 440–442.
33. Штофф В. А. Моделирование и философия. М.-Л.: Наука, 1966. 303 с.
34. Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 256 с.
35. D’Amato, A. (2011) On the Connection Between Law and Justice. Faculty Working Papers. Paper 2. URL: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/facultyworkingpapers/2>

36. Finkelstein, C. O. (2001) Two Men and a Plank. *Legal Theory*. No. 7. Pp. 279–306.
37. Ghanayim, Kh. (2006) Excused Necessity in Western Legal Philosophy. *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. Vol. 19, No. 1. Pp. 31–65.
38. Pufendorf, S. (1672) *De Jure Naturae et Gentium Libri Octo*. Londini Scanorum. *Sumtibus Adami Junghans*. 1227 p.
39. Thomasius, Ch. (2011) *Institutes of Divine Jurisprudence with Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations*. *Liberty Fund, Indianapolis*. 659 p.

Об авторе:

Синченко Георгий Чонгарович, профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России (Омск, Российская Федерация), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор; e-mail: gsinchenko@rambler.ru

References

1. Berman, H. J. (1985) *Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition*. *Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts and London, England*. 672 p.
2. Grotius, H. (1994) *The Law of War and Peace*.
3. Dworkin, R. (1978) *Taking Rights Seriously*. *Harvard University Press*. 392 p. EDN: QVXKZT
4. Kant, I. (1965) *The Metaphysics of Morals*.
5. Diogenes Laërtius (1986) *Lives and Opinions of Eminent Philosophers*.
6. Kozhevina, M. A., Yashuk, T. F. (2023) The Evolution of the Science of the History of Law and States of Russia (XVIII–XX centuries). (In Russ.) DOI: 10.12737/1915630
7. Kuznetsov, E. V. (1989) *Philosophy of Law in Russia*. (In Russ.).
8. Lactantius (2007) *The Divine Institutes*.
9. Levi, E. H. (2013) *An Introduction to Legal Reasoning*. *University of Chicago Press*. 128 p.
10. Locke, J. (2002) *Essays on the Law of Nature: the Latin Text with a Translation, Introduction and Notes, Together with Transcripts of Locke's Shorthand in his Journal for 1676*. *Clarendon Press*. 304 p.
11. Lotman, Yu. M. (1992) *Symbol in the System of Culture*. (In Russ.)
12. Martishina, N. I. (2013) Mental Experiment in the Philosophy of law. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. No. 3. Pp. 55–59. (In Russ.). EDN: RCOLJV
13. Mekhed, G. N. (2017) Mental Experiment in Philosophy and Ethics. *Filosofskaya Mysl'*. No. 5. Pp. 1–13. (In Russ.). URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22985. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.5.22985
14. Nikulenko, A. V. (2022) Legislative Modernization of Extreme Necessity, Criminal legislation: Yesterday, Today, Tomorrow. All-Russian Scientific and Practical Conference (June 3-4, 2022, St. Petersburg. Pp. 201–2011. (In Russ.) EDN: KTRNWQ
15. Pashe-Ozersky, N. N. (1962) Necessary Defense and Extreme Necessity in Soviet Criminal Law. (In Russ.)
16. Pleshakov, A. M., Shkabin, G. S. (2007) "Counteraction of Lives" in Emergency and Criminal Responsibility Problems, State and Law. No. 7. Pp. 64–71. (In Russ.)
17. Plutarch (1961) *Lives of the Noble Grecians and Romans*.
18. Pufendorf, S. On the Duty of Man and Citizen. URL: <https://predanie.ru/book/221340-ob-obyazannostyah-cheloveka-i-grazhdanina-po-estestvennomu-zakonu/>
19. Rozin, N. N. On Extreme Necessity. Criminal-Juridical Research. (In Russ.)
20. Rawls, J. (1971) *A Theory of Justice*. *Harvard University Press, Belknap Press*. 624 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvjf9z6v>
21. Sinchenko, G. Ch. (2023) Citation Empire. A Philosophical and Historical Sketch. Part II. The Middle Ages and the Renaissance, Herald of Omsk University. Vol. 28, No. 2. Pp. 14–21 (In Russ.). DOI: 10.24147/1812-3996.2023.28(2).14-21

22. Filatov, V. P. (2010) Mental Experiments in Science and Philosophy, Epistemology & Philosophy of Science. Vol. XXV, No. 3. Pp. 5–15 (In Russ.). DOI: 10.5840/eps201025352
23. Fichte, G. (2014) Foundations of Natural Right.
24. Fuller, L. L. (1949) The Case of Speluncean Explorers. *Harvard Law Review*. Vol. 62, No. 4. Pp. 616–645.
25. Fuller, L. L. (1969) The Morality of Law. *Yale University Press, New Haven and London*. 263 p.
26. Fuller, L. L. (1969) The Problem of the Grudge Informer // Lon L. Fuller, The Morality of Law. *Yale University Press, New Haven and London*. Pp. 245–254.
27. Fuller, S. (2018) Post-Truth. Knowledge as a Power Game. *Anthem Press*. 208 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvgd30v>
28. Khmelevskaya, S. A. (2011) Collision of Lives as a Philosophy and Law problem, Philosophy of Politics and Law. Collection of Scientific Works. Issue 2. (In Russ.)
29. Khmelevskaya, S. A. (2020) The Problem of the Collision of Lives from the Standpoint of Philosophical Reflection, Living Standards of the Population in the Regions of Russia. Vol. 16, No. 2. Pp. 100–107 (In Russ.). DOI: 10.19181/lsprr/2020.16.2.10
30. Cicero, Marcus Tullius (2020) On Moral Duties (De Officiis).
31. Cicero, Marcus Tullius (1966) On the Republic. (In Russ.).
32. Chervyakovsky, A. V. (2025) Thought Experiment in the Works of Modern Western Scientists-Philosophers and Law Theorists. *Juridical Techniques*. Vol. 19. Pp. 440–442. (In Russ.)
33. Shtoff, V. A. (1966) Modeling and Philosophy.
34. Edmonds, D. (2015) Would You Kill the Fat Man? The Trolley Problem and What Your Answer Tells Us about Right and Wrong. *Princeton University Press*. 240 p.
35. D’Amato, A. (2011) On the Connection Between Law and Justice. Faculty Working Papers. Paper 2. URL: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/facultyworkingpapers/2>
36. Finkelstein, C. O. (2001) Two Men and a Plank, Legal Theory. No. 7. Pp. 279–306.
37. Ghanayim, Kh. (2006) Excused Necessity in Western Legal Philosophy. *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. Vol. 19, No. 1. Pp. 31–65.
38. Pufendorf, S. (1672) De Jure Naturae et Gentium Libri Octo. Londini Scanorum. *Sumtibus Adami Junghans*. 1227 p.
39. Thomasius, Ch. (2011) Institutes of Divine Jurisprudence with Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations. *Liberty Fund, Indianapolis*. 659 p.

About the author:

Georgiy Ch. Sinchenko, Professor of the Department of Philosophy and Political Science, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russian Federation), Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Doctor of Science (Philosophy), Professor; e-mail: gsinchenko@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.